

18+

Елена Потехина

КАК ПОБЕДИТЬ ДРАКОНА?

Никогда не унывать!

Елена Потехина

**Как победить дракона?
Никогда не унывать!**

«Издательские решения»

Потехина Е.

Как победить дракона? Никогда не унывать! / Е. Потехина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609108-5

В книге представлены разноплановые рассказы, непридуманные истории и сказки для взрослых, что помогает читателю взглянуть на себя со стороны и победить дух уныния.

ISBN 978-5-00-609108-5

© Потехина Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. Сказки для взрослых	7
Как победить дракона?	7
Деревце и колышек	9
Кристалл и наждачная бумага	10
Мальчик и скрипка	11
Сказка о прекрасной девушке из долины грез	12
ЧАСТЬ II РАССКАЗЫ ТЁТКИ ДАРЬИ	14
Как тётка Дарья с председателем поссорилась	14
Как тётка Дарья помирать собиралась	15
Как тетка Дарья вора ловила	16
Как тетка Дарья со свадьбы шла	17
Как тетка Дарья малину собирала	18
Как тетка Дарья хотела кур завести	19
Нет зверя страшнее кошки	20
Как тётка Дарья о чужой тайне узнала	22
Как Дарья самое важное в жизни поняла	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Как победить дракона? Никогда не унывать!

Елена Потехина

© Елена Потехина, 2023

ISBN 978-5-0060-9108-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тот, кто живет в большом городе, знает, что такое одиночество.

Люди слишком заняты собой, своими проблемами, чтобы услышать крик о помощи. Нас всех «затрепало». Часто мы не знаем, кто живет с нами в одном доме, на одной лестничной площадке. Кто эта девочка, просящая милостыню на люке канализации? Чей мальчик плачет на скамейке? Идет и идет людской поток, и нет ему конца. И хочется закричать:

– Проснитесь, люди! Очнитесь, пока не поздно! Люди добрые! Куда вы идете? Зачем? Нужно ли вам это? Остановитесь! Посмотрите вокруг себя.

Что с нами происходит?

Мы разучились прощать, любить, ждать, верить. Накапливая в своем сердце боль, обиду, зависть, злобу, мы разрушаем самое дорогое, что у нас есть – нашу душу.

Наша жизнь не изменится до тех пор, пока мы не проснемся от спячки, пока мы не изменимся, не станем добрее.

Духовный рост – процесс трудный, но удивительный и захватывающий. Нет предела таинству познаний. Нет предела возможностям человека творческого, дерзновенного, устремленного к Истине.

Сегодня идёт война за каждую душу и поле битвы – сердца людей. Не всем по силам духовная брань. Не все выдерживают битву со своим внутренним драконом. Многие ломаются, падают, впадают в уныние...

Помогайте друг другу нести тяготы. Вместе смотрите хорошие фильмы, читайте хорошие книги. Научитесь любить и прощать, научитесь жить для других. Улыбайтесь друг другу!

Елена Потехина

ЧАСТЬ I. Сказки для взрослых

Как победить дракона?

В одном селении жила крестьянка. У нее было три сына. Вот пришло время сыновьям жениться и привели они в дом каждый себе невесту. Матери невесты понравились. Все они были девушки красивые и работящие. Сыграли три свадьбы и зажили большой семьей. Старшая невестка обед варила, за огородом ходила, средняя – скотину пасла, грибы, ягоды собирала, младшая – шила, вязала, прядла, да белье стирала.

Но пришел черед крестьянским сыновьям идти на цареву службу. Благословила мать сыновей. А молодые жены не хотят мужей отпускать:

– Придет нам время родить, за детьми глядеть, на кого мы хозяйство оставим?

Но, делать нечего. Погоревали, погоревали, но мужей проводили и платочками им вслед помахали.

Только стала старшая невестка с тех пор невесела. Не ест, не пьет, все в окно глядит, да слезами заливаается. Чуть не силком ее матушка кормит:

– Тебе кушать надо. Ослабеешь, родить не сможешь.

Средняя невестка пугливой сделалась. Все ей в лесу волки чудятся. А то пришла раз домой белее полотна. Загнала коров в хлев, а сама на лавку села и молчит. Стала матушка ее выпытывать, что мол струсилось. А она слова вымолвить не может. С того дня ее больше в лес не пускали. А скотину сама матушка у реки пасти стала.

Только младшая невестка ее и радовала. Как ветерок по дому порхает. Всем помогает, всех утешит. И все с улыбкой, да с приветом. А прядь сядет – песню запоеет, да такую, что сердце от радости полнится.

Прошло время... Родилось в крестьянской избе три мальчика. Все мальчики родились крепкими, здоровыми, внешне похожими друг на друга. Но только внешне. Средний внук все кричал, не умолкая. Только, когда измучается, затихнет. Уж и намаялись с ним невестки. Старший, как средний закричит, тоже плакать начнет. Только младший спит себе и не слышно его вовсе.

Время шло. Внуки росли. А отцы их все не возвращались с царской службы. Минуло 15 лет. И объявился в тех краях дракон. Много народу погубил.

Порешили братья идти с драконом воевать. И вот пошел старший брат. Но по дороге сомнение на него напало, уныние, грусть-печаль. Сел он на траву и горько-горько заплакал:

– Один я у матушки. Съест меня дракон. Кто ей будет на старости лет утешением?

И повернул он назад. А дома братьям сказал, что ногу подвернул.

Тогда пошел средний брат с драконом воевать. Вот идет он, да по сторонам оглядывается, да прислушивается. Все шаги ему сзади чудятся, да дыхание чье-то за спиной. Тут заяц на него из лесу как выскочит и в лес обратно с перепугу. А юноше тоже испугался и прочь побежал. Так до самого дома бегом и бежал. Прибежал, братьям рассказывает, что земля раскололась надвое. Он мол еле успел за край уцепиться, а дракона нигде не нашел.

Пошел третий брат дракона искать. Идет, песню напевает. По дороге слабым помогает. Медвежонка из ямы вытащил, птенчика в гнездо посадил. Потом старичка в лесу встретил, помог ему лукошко с грибами донести. Вот старичок ему и говорит:

– Знаю, куда ты молодец идешь. Дело твое верное и ты не робей. А станет тебя дракон звать силой меряться, ты ему предложи сперва умом померяться.

Поблагодарил юноша старичка, пошел дальше. И вот перед ним гора высокая, а под горой пещера темная. И вокруг той пещеры вся трава черная, обожженная. Вышел из той пещеры

дракон о семи головах. Юноша не испугался, только нос зажал. Уж больно от дракона дух шел тяжелый.

Посмотрел дракон всеми семью парами глаз на молодца и говорят все его семь голов хором:

– Пошто пожаловал, добрый молодец? В услужение ко мне или силой меряться?

Отвечал ему добрый молодец:

– Силой меряться – дело не хитрое. Ты померяйся со мною смекалкою. У меня всего одна голова. А у тебя семь голов.

– А на что нам смекалкой меряться?

– А на то, – отвечал ему молодец, – что проиграешь ты – улетишь туда, откуда прилетел.

Проиграю я – останусь у тебя в услужении.

Первым выпал черед дракону вопросы задавать. Он и спрашивает:

– Что всего слаще? Что всего краше? Что всего страшнее?

Не смутился юноша, но с достоинством отвечал:

– Нет ничего слаще сна. Мы без него и дня не проживем. Нет ничего краше родимой сторонки. Где не гости, а все одно домой тянет. Нет ничего страшнее смерти грешника. Помни об этом дракон. Оставь свои злые дела!

Ответ юноши показался дракону умным и смелым, и он, невольно, похвалил его:

– Что же, хорошо ты ответил. Теперь твой черед вопросы задавать.

Вот и спрашивает его юноша:

– Скажи, дракон, кого нет милее на земле? Кого нет страшнее на земле? В чем смысл нашей жизни на земле?

Засмеялся дракон:

– Что тут думать? Все просто. Нет никого милее, чем я сам. Я сам себе – господин, все должны мною любоваться. Нет никого страшнее меня, когда я в гневе. Смысл жизни в том, что все должны подчиняться мне и трепетать передо мною.

– Нет, дракон. Все-то ты перепутал. Нет милее дружка, чем родная матушка. Нет никого страшнее для нас, чем мы сами. Мы себе – злейшие враги. Ибо, поступая худо, губим душу свою. И матери наши плачут о нас. А смысл жизни в том, чтобы стать опорой родителям, воспитать хороших детей и подготовиться к смерти, т.е. к переходу в мир иной.

Пока юноша говорил, дракон начал потихоньку всхлипать. Вспомнил дракон свою матушку. Наверное она уже старенькая и очень скучает по нему.

– Ты убедил меня, молодец. Я возвращаюсь домой, за море, к своей старой матушке. Только ты никому не рассказывай, что я плакал. Скажи лучше, что ты победил меня.

– Я скажу, что ты улетел домой и я не нашел тебя.

И вот юноша отправился в обратный путь, а дракон улетел за море и никогда не возвращался. Говорят, что там у него появились маленькие дракончики.

Вернувшись домой, юноша застал там радость. Три брата вернулись с царской службы. Вот отец подошел к нему, обнял его и спрашивает:

– Ты победил дракона?

– Нет, отец. Тот дракон, которого я видел, сам улетел за море. Возможно мои братья наделали столько шума, что он испугался. А мой дракон верно еще где-то прячется до поры, до времени. И когда он объявится, я пойду и сражусь с ним.

– Да, сын. А я дам тебе для этой битвы свой меч.

На том и сказке конец. И пусть каждый в этой сказке увидит себя.

А я спрашиваю вас:

– Что для вас самое ценное? Что для вас самое важное? Что для вас самое страшное?

Деревце и колышек

Жил-был старик-садовник. У него был большой сад. А в саду росло очень много цветов и деревьев. Однажды старик посадил в своем саду маленький каштан. Чтобы деревце не сломал ветер и оно быстрее укоренилось, старик привязал его к колышку, привязал очень крепко.

Каштан пустил новые побеги и корни, начал быстро расти. Колышек поддерживал дерево, не позволяя ветру раскачивать его. И вот наступила осень. Каштан заметно вырос, окреп, на нем была густая листва. Но он почему-то наклонился в сторону. Ах, вот в чем дело! Он все еще был накрепко привязан к колышку. Тугая веревка не давала деревцу оторваться от колышка и подняться кверху.

Старый садовник заметил беспорядок. Он обрезал веревку. А колышек унес с собою, чтобы привязать к нему другое молодое деревце.

Через неделю каштан выпрямился, стоял ровно и уверенно. А весной он впервые зацвел.

Кристалл и наждачная бумага

На столе лежали: неправильной формы бесцветный кристалл, похожий на обычное стекло и наждачная бумага. Они лежали рядом, лежали давно. Поэтому уже привыкли друг к другу.

Наждачная бумага была сварливой, серой и колючей, такими же были ее мысли:

– Все гребут под себя. Каждый норовит содрать с другого шкуру. Все вокруг – серость, кругом зло.

– Что вы, что вы! Взгляните, как играет солнце! Сколько цветов! Как поют птицы! Вы слышите? Как пахнет сирень! Вы чувствуете?

– Ничего я не чувствую. Лежу тут, как дура, без дела. Мои знакомые работают на заводах. Неплохо получают, на виду, уважаемые лица. А я тут, на этом дурацком столе, с каким-то дурацким стеклом.

– Зачем вы так? Вы лучше взгляните на мир моими глазами.

И кристалл повернулся к наждачной бумаге так, что на ее поверхность упал луч света. Солнечный луч преломился и заиграл всеми цветами радуги. Наждачная бумага была поражена увиденным, но упрямо проговорила:

– Эка невидаль – солнышко заиграло. Глупое стекло. И углы у тебя торчат во все стороны. И справа у тебя выпирает, и слева у тебя неправильная грань.

И наждачная бумага принялась шлифовать кристалл. Она ворчала и снимала с кристалла слой за слоем. Это казалось бесконечной мукой. Кристалл уменьшался на глазах. Он уже не радовался жизни, на его гранях уже не сияло солнце, грани были исцарапаны. Но его форма стала почти идеальной.

Но и наждачная бумага повыкрошила свою алмазную пыль. Теперь она более напоминала бархатную тряпочку, стала мягкой и бесформенной. Неизменным остался ее цвет – такой же серый, и характер – ворчливый. Она так же пыталась исправить кристалл и целыми днями шлифовала его.

И вот однажды утром на стол упал солнечный луч. Он пробежался по алмазной крошке, перепрыгнул через обрывки мятой серой бумаги и застыл в изумлении. Перед ним лежал прекрасный кристалл. Луч осторожно прикоснулся к одной из граней кристалла, и вся комната наполнилась дивным сиянием. Сотни разноцветных огоньков разбежались по всей комнате.

В комнату вошел старик. Он осторожно взял в руки кристалл и поднес его к свету. Затем старик стряхнул со стола алмазную крошку и обрывки бумаги в корзину с мусором и принялся изготавливать оправу для прекрасного кристалла.

Мальчик и скрипка

Жил-был мальчик. Обычный мальчик. Веселый, подвижный. Он очень любил играть с друзьями, любил бегать по траве. Но больше всего на свете он любил свободу. Да, да, не удивляйтесь. Не сладкое мороженое, не шоколад, не мультики, а свободу. Дело в том, что у мальчика была очень строгая мама. По вечерам она заставляла мальчика играть на скрипке, которую он терпеть не мог. Мальчик старательно выводил гаммы, но от этого у него противно холодило в животе и кружилась голова. Мальчик был послушным. Он очень любил свою маму. Но он готов был разбить эту противную скрипку, из-за которой ему приходилось сидеть дома. Его друзья бежали на реку, а он играл на скрипке, они строили во дворе снежную крепость, а он играл на скрипке, шел дождь, падал снег, пели птицы, а он играл на скрипке. Однажды мальчик набрался смелости и сказал своей маме, что не любит играть на скрипке и никогда не станет музыкантом. Что он хочет учить детей рисованию. Но мама не хотела и слышать об этом. Ведь она столько лет мечтала, что ее сын станет скрипачом.

И тогда мальчик заболел. Это была странная болезнь. Всякий раз, когда он брал в руки скрипку, у него начинало распухать горло и он задыхался. Несколько раз мама вызывала скорую помощь. После того, как врач запретил мальчику играть на скрипке, странные приступы прекратились. Но мама не хотела просто так сдаваться. Она накупила гору дисков с записями скрипичных концертов и заставляла сына часами слушать музыку. Она считала, что это будет способствовать его духовному росту. Но у мальчика неожиданно возобновились странные приступы. Маме пришлось убрать записи. А потом, а потом мальчик вырос и уехал в другой город.

Этот город был расположен у самого моря. Здесь было очень тепло и красиво. Цвели каштаны, плетистые розы обвивали дома, выложенные из белого камня.

Однажды он встретил у моря девушку. Эта встреча изменила всю его жизнь. Теперь часто он ловил себя на том, что думает только о ней. Ждет часа, когда увидит ее. Она не была красивой той броской красотой, которая признана в обществе. Но ее открытый взгляд, мягкий голос, нежная улыбка, вызывали в его сердце волну нежности.

Однажды они сидели у моря. Им было хорошо вдвоем, они молчали, смотрели на море и молчали. А потом она сказала:

- Я приготовила тебе подарок.
- Большой?
- Очень.
- Тогда давай его сюда.

Она встала, открыла спортивную сумку и достала оттуда... *скрипку*. Он замер.

Вот она берет скрипку, кладет ее на плечо, прижимает подбородком. Вот она подносит смычок к струнам. Вот... Но этого он уже не смог вынести. Страшный спазм сдавил его горло. Он обхватил горло руками, беспомощно глотая ртом воздух, и бросился бежать.

– Прочь отсюда! Как можно быстрее и дальше! От этой скрипки, от этой женщины! Как она могла так с ним поступить! Как она смела!

А девушка осталась стоять на берегу моря одна со скрипкой в руках. Она терялась в догадках.

Три года девушка приходила к морю и подолгу стояла на берегу, глядя вдаль. А потом вышла замуж.

Сказка о прекрасной девушке из долины грез

В долине грез было все прекрасно: удивительные радужные водопады и стремительные чистые реки, дубовые рощи и заливные луга, райские птицы и дикие звери, которые не боялись людей и не причиняли им вреда, сильные люди, которые умели красиво работать и отдыхать. Но прекрасней всех в долине грез была одна девушка по имени Лала, у которой были длинные русые волосы и чистый голос, исполненный неземной красоты. Когда она пела, то люди, заслушавшись ее песней, оставляли работу. Когда она шла долиной, то звери выходили приветствовать ее.

И вот однажды над долиной грез разразилась страшная буря и ураганный ветер похитил Лалу и перенес ее в долину уныния.

Когда Лала очнулась, то увидела, что лежит на сером песке. Вокруг нее собрались серые существа, лишь отдаленно напоминающие людей из долины грез. У каждого из них за спиной был огромный горб, бесцветные глаза смотрели зло и пугливо, бесцветные волосы торчали клочками в разные стороны. Одежда была грязной. Было похоже, что эти люди давно не мылись.

Лалу, как свалившуюся с неба и умеющую летать, отдали под суд. На суде старейшин было решено:

1. Считать женскую особь, свалившуюся с неба, безобразной, а посему, дабы не смущать молодежь долины уныния:

а) остричь ей волосы;

б) из подручного материала устроить имитацию горба;

в) запретить прилетянке издавать гортанные звуки, вызывающие беспокойство (природа этих звуков неизвестна, а посему опасна);

г) запретить всякие разговоры и общение с прилетянкой;

д) использовать труд прилетянки только на работах, где не требуется высоких умственных способностей.

И вот Лала стала жить в долине уныния. Ей остригли волосы, порвали платье, приделали горб. Ей запретили смеяться, мыться и петь. Ее заставляли выполнять самую грязную и тяжелую работу. Десять долгих лет Лала провела с серыми унылыми людьми. Она несколько раз пыталась бежать. Но всякий раз ее настигали и жестоко избивали. От грязи и безысходности Лала тяжело заболела. И тогда она собрала последние силы и произнесла пламенную молитву:

– Я обращаюсь к Тебе, Творец неба и земли! Ты учил меня петь и смеяться, различать голоса птиц и понимать язык животных. Спаси меня! Я погибаю. Мне некому дарить любовь. Мое сердце высохло, оно покрыто рубцами от злых слов, серых мыслей и ударов плетью. У меня больше нет сил жить с этими людьми. Я не понимаю их ценностей. Они убивают детей, которые родились без горба. Они злы и завистливы, они боятся и ненавидят друг друга. Их отношения построены на системе доносов. Мне жаль этих людей, но они не хотят ничего менять. А я, я не в силах им помочь. Помогите мне, Господи! Дайте мне перед смертью хоть одним глазком увидеть

мою долину, хотя бы во сне.

И вот, обессиленная, омытая слезами, Лала засыпает. И снится ей, что кто-то большой и сильный поднимает ее с земли, ведет к водопаду. Лала стоит под струями чистой ледяной воды, но ей не холодно. Она чувствует, как с нее спадает грязная одежда, горб, старая кожа. Тело горит и наполняется силой. Лала выходит из воды, на ней ее прекрасное белое платье. Ее волосы удивительным образом отрасли и мягкой волной выются за спиной. Лала оглядывается назад и видит у себя за спиной прекрасные белоснежные крылья. Незнакомец улыбается ей.

У него тоже за спиной крылья. Он берет ее за руку и они, оттолкнувшись от земли, летят к облакам. Теплый легкий ветер ласкает лицо. Что-то щекочет в носу...

Лала открывает глаза. Она лежит на траве. Травинка попала ей в нос. Лала смотрит вокруг. Она на цветочной поляне долины грез. На ней ее прекрасное белое платье с розовыми кружевами. По плечам струятся волосы. Лала трогает лицо, одежду, волосы. Не сон ли это? Нет не сон. Рядом в тени дуба лежит ее друг – лев Ка, который охраняет ее сон. Ка встает, потягивается, позевает. Неужели это был сон? Всего лишь сон!? И она десять лет спала?

Лала треплет Ка за гриву. И они бегут к озеру. На песчаной отмели резвятся рыбки. Две лани пришли на водопой. Лала поднимает лицо к небу, покрытому редкими перистыми облаками и поет чистым звонким голосом:

– Господь творяй, творяй чудеса!

Творяй чудеса! Творяй чудеса!

ЧАСТЬ II РАССКАЗЫ ТЁТКИ ДАРЬИ

Как тётка Дарья с председателем поссорилась

Много на свете народу всякого живёт. И смешливы, и сурьёзны. И таки, что ни-ни, ни подступись. Особенно среди начальников. Но про это я опосля обскажу.

А хочу я вам обсказать об одной бабе нашей деревенской. И вроде обычна баба, неприметна. Но пренепрременно с ею всяки истории происходят. И не просто там мелочь кака-то, а ну я вам покажу.

И вот эта сама баба, а звать то её Дарья, ни при каких обстоятельствах присутствия духу не терят. А ешо и к магазину придёт, где бабы автолавку ждут, и ну про себя всяку побывалщину сказывать. Ну, бабы зубы скалют, Дарью поднаривают.

Хотел один раз наш председатель Дарью-то приструнить, охолонуть значит:

– Что енто ты, Дарья, всяку околесицу несёшь? И на ся и под ся. Срамота да и токмо! И баб в сенокосну пору от работы отрываешь?

Так она ево так охолонула, что он опосля её за версту обходить зачал.

И говорит ему тодысь Дарья-то:

– Ты, Пётр Фомич, свою сурьёзность-то оставь. От сурьёзности всяки хвори бывает, особливо запоры. Вот ты щас на меня с сурьёзным-то видом зришь, брови-то насупил. А промежду бровей у тебя вокурат жилка вздулася. И видится мне, Пётр Фомич, как такой унылой и сурьёзной, вместо того, чтобы со своей Нюркой чай у самовара с блинами пить, сидишь ты в причинном месте, и жилка у тебя промеж бровей от натуги вздулася. Ох и вздулася! А всё от чего? От излишней твоей сурьёзности.

Ну, бабы в покат. Нюрка Рогушинска чуть не ноги задират. А Пётр Фомич от такого конфузу помидорой залился. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Дарье кулаком грозит, а сказать ничё не можёт, токмо рот откроеет, опять закроет... Откроет, закроет... Так молча и ушёл.

Но, сказывал дед Культя, что грозилса он Дарью-то без дров в зиму оставить.

Но Дарья она Дарья и есть. И долго на ё никто в деревне не серчат. Да и за что серчать-то. Собака лаает, ветер несёт.

А хозяйка она завидна. И дом у ей справной, добротной, высокой. Да и сама она баба приветлива, последню рубаху скинет – отдаст. А каку наливку делат! А пироги с малиной! Не мудрёно, что одиноки бабы, как скотину управят, – к Дарье на самовар. А коли кто из заезжих сгодится, так на постой непременно к Дарье. Вот тодысь – само оно. Може и Дарье-то одиноко, целой день, окромя скотины, не с кем словом перекинуться. А тут стока народу. И пойдёт у самовару-то само веселье. И про что токмо Дарья-то нам не сказывала. А мы-то слушаем, рты раззяв. Поди в городах-то ентова отродясь не слыховали. Да и Дарья, ну чисто Райкин, всё так изображат, что ни оден актёр в самых высоких званиях не покажат. И хошь много годов с тех пор утекло, много чево запомнилося. Но которы побывальщины Дарьины я до сих пор помню. И как она енто всё изображала ровно перед собою вижу. И по памяти рассказы енти вам топерь поведаю.

Как тётка Дарья помирать собиралась

Одно лето не заладилось. И льёт, и льёт, и хмурит, и хмурит. И в голбце вода, и на огородах мокрень, и на гувенниках трава полегла. Ни тебе по грибы, ни по ягоды. Тоска смертна. И взяла меня эта тоска заживо. Ни есть, ни пить. Пришла ко мне Нюрка Рогушинска за солью. А я ей сказываю:

– Всё, Нюра, видно пора мне домой собираться.

А она, этак невпопад, отвечает мне:

– Чой-то? Куды эйто ты удумала? Аль к Зойке своей непутной? Ишь, изменщица.

– Да не к Зойке я. Куды я им. Они и без меня каждой день грызутся. Помирать я собралась, Нюрушка. Тоска меня взяла. Чую, смертушка под окнами ходит.

Тут под окном Клавка Полувёртова мелькнула. Мне от печи Клавкину голову в чёрном платке видать. А Нюрка Рогушинска с девок пужлива. Её братья в детстве вывернутым тулупом напужали. Так она обмерла вся и на табурет осела, сама ровно смерть.

Ну, Клавка шумлива, да и в сенцах темно. Загремела вёдрами (коромысел зацепила). Так Нюрка стала креститься, да прищёптывать.

А тут Клавдя во всей красе, наше вам с кисточкой:

– Даша, не бут ли у тя соли в заём?

– И шо вас седни прорвало? Несолёны... Человек, можно сказать, последни часы на свет Божий взират. А они тут со своею солью.

Ну, Клавка с Нюркою всколыхнулиса. Давай вокруг меня кружить, отговаривать это значит, чтобы не помирала я пока. Но я на энти их уговоры ни-ни, не пошла.

И стала я им наказы давать, во что меня обрядить, где положить, да ково на вынос позвать. Тут Нюрка Рогушинска мне и присоветовала на лавку со свечкой прилечь, вроде как примериться. Как оно, если я уже померла, а они по мне сокрушаются. Ну, лежу этак я, справно лежу. Клавка причитат, как положено:

– Ой, девонька наша, кровиночка! На ково нас оставила! С кем мы чайот у самовару пить будем? С кем по чернику-то пойдём? Кто самоварот нам раздуёт? Кто наливкой-то нас угостит?

А самовар-то у Дашки хорош. Самовар я себе заберу.

Ой, пошто нас покинула, подруженька ты наша ненагядная! Безо времени-и-и!

А ты, Нюрка, подзор Дашкин себе забирай. Он ей никчему топеря. А Зойка её непутна всё одно всё спустит.

Ой, ой, пошто нас отстаила, осиротинила-а-а?

А половики домотканы мы Культе снесём. Он нам за то печку в бане переложит. Культя давно на мои половики зарится. Ну, у Дашки хошь они и не таки справны, как у меня, а Культе сгодятся.

Вот тут-то меня и приподняло:

– Чем это мои половики хуже твоих? И по какой такой причине вы тут моё добро, за столь годов нажитое, шуруете. Не видать вам мово подзору и мово самовару. Передумала я помирать-то. Вам назло. А от тебя, Клавдея, не ждала я такой обиды. Ишь, половики у меня не таки, как у неё!

Так и не стала я помирать в то лето. Да и распогодилось поутру. И грибы пошли. Белых в то лето хошь косой коси было. Когда уж тут помирать-то.

Как тетка Дарья вора ловила

Одну зиму повадился ко мне курей воровать чей-то пес. Уж я и клетушку запирала, и ворота саями припирала. Все едино – обманет, окаянной, и куренка уташит. Сижу свечера, жду. Как заслышу на дворе шум – я с лампой туды. Но токмо хвост и мелькнет. Я все на соседского Полкана грешила. Но Тарас Манькин мне одно толдычет, что ихней пес на цепи всю неделю. Ну, я думаю, не я буду, если вора не изловлю. И вещь уследила! И хошь на дворе потемки были, изловчилась я и ухватила эту псину за хвост, крепко ухватила. А он, этакий здороветня (отъелся на моих курах), через весь двор меня протащил и – под ворота. И я, со всего-то размаху, в воротину, лбом – «хрясь»... Аж в глазах померкло. Тут я хвост-то из рук и выпустила.

Утром головушка моя распухла, ломота. На лбу шишка огромная, а под глазами круги синие. А ить скотину-то поить надо. Взяла я коромысел и – по воду. А Манькин Тарас у свою дому снег кидат.

– Что это ты, – говорит, – Даша, мне не кланяешься?

А я ему в ответ:

– Тьфу на тя, кланяться! И на твою Полкашку – вора! Глянь, что со мной сотворил твой пес – разбойник! Убил! Убил! Начисто убил! Чуть не вусмерть! И последню курченку со двора снес!

Ну, Тарас Манькин божитья. Повел меня к ихнему дому.

– Глянь, – говорит, – вишь, Полкан на цепи. И следу круг его нету. Снег свечера шел. Не мог я его с утра на цепь посадить.

Гляжу я на ихнего пса, и сумление меня берет. Уж больно хил. Не мог меня энтот пес через весь двор пропереть. Я – женщина тельная, крепкая. (При этих словах тетка Дарья недвусмысленно погладила руками свои круглые бока.)

Пошли мы с Манькиным Ткрасом к моему дому. Я ему на следы кажу:

– Смотри, смотри. Вот он со двора вышёл. Вот и кровь на снегу.

Присел Тарас на корточки, в затылке почесал, а потом и говорит мне ентаким загадошным голосом:

– Эвона что... Знаешь, Дарья? А ведь следы-то волчьи...

У меня от энтих слов внутри все захолонуло. Особливо, как вспомню, что я энтово волка за хвост таскала, так до сих пор лоб чешется.

Как тетка Дарья со свадьбы шла

А то было дело почише. Уж, что я – баба озорна, а и то струхнула.

Зима тогда тепла была. Подморозит, распустит, опять подберет, снова распустит. Пропивали мы Манькину племянницу. Уж я и плясала! А плясать я страсть как люблю. И гармонист, что огонь, так и зажигат, так и поднариват. Ну, время за полночь. Все путны гости разошлись. И мне пора честь знать. Подалася я к дому. Иду, снежком прикусываю, да приплясываю. А гармонь в голове так и играт. Жар во мне да кураж. Я тулуп распахнула... Хошь босиком по снегу-то итить.

Вышла я в поле. Гляжу, а впереди меня еще какой-то гуляльщик справляется. Да плохо этак идет. Все больше на четвереньках. Ну, в голове у меня одна гармонь. Догоню, думаю, попутчика, пособлю ему прямо-то итить.

Тут луна вышла. Светло, что днем. Я пошибче пошла. И только хотела окликнуть:

– Погодь мол, мил человек! Я те пособлю прямо-то итить, с Божьей помощью!

Как вдруг, будто кто мне по башке «хрясь». И умолкла гармонь-то. Словно очнулася я. Гляжу – гдей-то я?

Поле... Луна светит. Что-то впереди чернеет. И на снегу передо мною – следы. Все пять пальчиков видать. Неровно это «что-то» – гуляльщик со свадьбы справляется, токмо босый. Жарко ему, как и мне, вот он обувку-то и скинул. И тут это «что-то» стало во весь рост... И вижу я, что не человек это вовсе, а медведь.

Вот уж тут я испужалась. Кажись, вжисть у меня такого страху не бывало. И до того мне враз холодно стало, что зубы застучали.

Как я назад бегла, не помню. Деревню на ноги подняла:

– Шатун, мол, объявился!

Мужики медведя у пасеки завалили. В деревню на санях привезли. Ох, и велик был! Ох и страшён!

А я-то. Ну и дурна баба!

Как тетка Дарья малину собирала

Каждо лето, как приспевала пора малине, собирались к Дарье товарки ейныя на пироги с малиною. Ну, Дарьины пироги справные. И печь ейная с секретом. К Дарье на ейную печь поглядеть даже мастера из самого Нижнего приезжали. Печь ейную всю, как она есть зафотографировали. Обмерили и описали.

За пирогами, да за чаем Дарья-то и разохотилась:

– А вы пирог-то с малиной ешьте, ешьте! Ее нынче у болота – страсть. Эта малина у меня особа, памятна. У меня по этой малине долго памятка будет. Во – на щеке след. Что? Хорош? А это все – дурь моя. В лесу живу, а ума не наживу.

Брала я эту малину на горях перед топью. Крупна малина, сладка. И травы круг не много. Вдруг, слышу, шипит кой-то. Ну, думаю, не иначе – змейку потревожила. Они, бывает, в самой куст малиновой заберутся. Тоже, поди, ягодку сосут.

Ан, нет, не похоже на змейку-то. Огляделася... Фу-ты, ну-ты! Медвежонок! Высунул язычок и шипит на меня, ровно змейка. И этакой ладной, да малюхотной. Ну – игрушка плюшева. Я медвежонок в полушалок завернула, к себе прижала, словно робеночка. А он робеет. Сердечко-то – тук-тук, ровно у зайца. А я начала его тискать, да приговаривать:

– Эвона, красотенок мой лопухонькой! Пойдешь ко мне жить?

А этот «красотенок» как жвахнет меня лапой по щеке, будто пчелка сжалила. Я по щеке рукой провела. Гляжу – кровь. И тут мне будто кто со стороны-то и говорит:

– А ведь медведица-то рядом ходит!

Сняла я тут быстренько с медвежонок свой полушалок, посадила его на пенек. А сама – деру! Бегу, да ругаю себя:

– У, стара холера! Надумала с кем в игрушки играть, в дочки – матери!

А щеку меня научили куриным пометом смазать. Говорят, быстрее заживет. Но я так и не мазала. А, ну их. И так заживет. Где мне помету-то этого взять? Нету курей-то у мя. Хотела обзавестися, да видно не к рукам.

Как тетка Дарья хотела кур завести

Купила я как-то с десяток цыплят в Сокольском. Специально ездила. Привезла – посадила в решето. А они квелые энтаки – примерзли в дороге-то. Растопила я печь, а цыплят в решете и поставила на шесток. Пусть погреваются чуток. Огонь не жарок. А сама приняла для сугреву, поди тоже иззябла, и прилегла на минутку. Ноги-то гудят. Но видно с лекарством-то передозировочка вышла, я и уснула с дороги-то. Вскочила, а печь-то уж прогорает. Цыплятки мои спеклись. Кверху лапками в решете лежат и этак припахивает паленым-то.

Эх, и разозлилась я. Всех цыплят по одному в печь и покидала. Кидаю, да приговариваю:

– Первый цыпленок по-шел, второй цыпленок по-шел. Третий – по-шел...

А потом села и завывала. И цыплят жалко и себя непутную.

А и то не часто я слезу пускаю, не перед кем мне нюни-то распускать. Вот, разве что третьего дня я четверть самогону грохнула. Вот поревела. И ведь первача. Чиста слеза.

У меня одно лекарство от всех болезней – самогон. Хошь внутрь, хошь растирать. Доктора-то – где они? Да и кому старуха-то нужна?

Уж мне как жалко было. И как из рук выскользнула? У, холера стара! (Бабка Дарья сделала вид, что бьет себя кулаком по лбу.) Села я тодысь на порог и завывала, ровно по покойничку.

А потом тятю вспомнила, как он мне говаривал: «Нет худа без добра!» И утешилась.

Нет зверя страшнее кошки

А тятя у меня весёлой был, особливо, как выпимши. Други робятишки, если отец выпьет, домой глаз не кажут. А то их матки ихни на Троицу в годовой праздник по чуланам расховают, чтоб не попали под горячу отцовску руку.

Ну мой тятя не таков. На коленки меня усадит, всё выпросит. Сахару даст. А то примется к потолку кидать. А я хохочу и не робею.

Но была у мово тяти чудинка одна. Непременно с праздника он приведёт в дом гостя – человека пришлого. И ну его пытаться. Как де в их стороне простому человеку живётся, что произрастат, кака живность в лесах, рыба в прудах. И пренемерно он гостя за стол усадит, своё почтение окажет, да всё по-простому, по-деревенскому.

Мамке нашей прикажет самовар раздуть и всё, что ни есть на стол подать. И до того он гостя разохотит, что человек этот пришлый станет ровно дома у себя. И всю душу тятю изольёт. Бывает, что тятя и прогонит нас, чтобы уши не грели. А то заберёмся мы с Варькой на полати. Заташим туды тулуп тятин. Тихо лежим. Всё, как ни есть нам слышно и видно. И каких токмо побывальщин мы не наслушались. Что те кино. Да и то верно. И кина тодысь не было, и радива не слышали. Всё пели больше. А тятя мой любил петь. Особенно бродягу.

Тихо так зачнёт, посла надбавит и рукой этак подмахиват:

– По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...

Да и то сказать, что тятя наш с молоду не газговорчив был. Его так и звали Молчун, да Молчун. А вот красивый сказ уважал. Особенно побывальщину.

Захаживал к тятю и дед Культия. Но мы с Варькой от его прятались. Он нас с Варькой пугал. Изображал из обрубленных своих пальцев козу.

Так вот привёл один раз тятя мужика бородатого. Глаз чёрной, как смоль. А голос ласковой. Мужик ентот вынул из-за пазухи тряпицу, а в ей пряник печатной. И одарил он нас с Варькой ентим пряником. А на прянике кот изображённой. И говорит это он тятю, как бы промежду прочим:

– Нет зверя страшнее кошки.

А потом этак помолчал для степенности, равно с мыслями собираясь, и тихо так начал свой сказ.

– Случай у нас оден был в артели. Артельщики, что семья. Общиной живут. И чтоб доверие полное, иначе в тайгу не ходи.

И прибился к нам парень один рыжий – Федотко. И не то, чтоб до денег охоч, или кусок украдкой съест. Чего нет, того нет. Но было в ём како-то ехидство, шутейство. Спроси его, пошто он эту пакость сотворил, он и сам не знат. А ещё курил он, поди один изо всёй артели.

Так вот шли мы с прииска. Занепогодило, и пустил нас на ночь мельник с женой. Ну, поели мы картошки в мундирах, кипятком запили. Отогрелись, повеселели. Мельник нас воблой угостил. На рыбу к нам с печи ихней кот слез. У ног трётся, мурлычет. Хозяин и похвалился, что де кот особый, из самой сибери привезённый, крысолов.

Ну, Федюня наш, неровно его бес в бок толкнул, и ткни коту в нос цыгаркой. Ну, кот тут взвился. Уж и кричал, ровно баба на сносях. А потом куды-то зашкерился.

Мельник сперва смолчал, токмо заркнул на Федюню. А потом сказал как-то нехорошо: «А вот это ты зря паря сделал».

Ну, стали спать укладаться. Федюне мельник на сундуке послал. А перед тем, как лампу задуть, к ёму подошёл и тихо этак сказал: «Ты счас на сундук ложись. А как я лампу задую, перебирайся в сенцы, токмо котомку свою с собой не бери».

Ну, Федюня спорить не стал. И, как хозяин лампу задул – в сенцы выскользнул. А токмо не успели артельщики уснуть, как что-то грохнуло. Потом сделался шум и ровно стон, как мужик охнул. И всё стихло. Вбежал хозяин с лампой. Все принялись кричать Федюню. Федюня из сенцов прибежал. Все к сундуку. А на сундуке, как ни ест, вся подушка в клочья располосана и Федюнин мешок рваной. А на ём, на мешке Федюнином, хозяйской кот лежит бездыханно.

Федюня тогда надолго присмирел. К мужикам со своим шутейством боле не приставал и ровно совеститься стал.

А и то поговорка у его сделалася, что де «нет зверя страшнее кошки».

Как тётка Дарья о чужой тайне узнала

Деревня наша «Чистопрудно» зовётся. Это значит – чисты пруды. А прудов у нас три. А и то, все камышом заросли. А один (пожарной) посреди деревни и вовсе пересох, так его всяким хламом и засыпали. А есть один пруд дальней, так вот в ём караси с ладонь. И хошь тиной припахивают, но в муке обжаришь – за уши не отташишь.

И наладил дед Культя по субботам в ентом пруду карасей промышлять. Изготовил он для етакой цели устройство из капроновых колготков. Колготки энти дед Культя в райповском магазине у Верки рыжей на рыбу выменял. Веерка деда заверила, что колготки импортные для четырёх Ден водостойкие. Дед, конечно, не понял, зачем четырёх Денам колготки, да ещё водостойкие, но Веерке наслово поверил. Дома в колготки пружины от старого дивана всунул, хлебных корок натолкал и енто устройство на серёдку пруда забросил, но прежде верёвку привязал и у берега закрепил.

На ту пору сгодиласа у пруда Дарья с серпом. Череды нарезать, да мяты для запарки бочек под соленье. Идёт у кромки воды и серпом-то вжик, вжик... И за одно и верёвку-то Культину «вжик». Ну, Культя взакрик:

– И откуда ты принесло, вражина, со своим орудием.

Ну, Дарья ни при каких обстоятельствах присутствия духу не терят:

– А чё, – говорит.

– А то, – говорит ей Культя, – что у меня тодысь устройство для четырёх Ден водостойкое.

– Чё, у тебя дэд одын?

– Тьфу ты! Да морда у меня под окуня, опробовал, новьё. А ты тут, своим серпом, мне верёвку обрезала. Как я её теперь из воды выташу? Поди, рыбы набилось недуром.

– А ты сплавай.

– Ишь, сплавай. Ты набедила – ты и сплавай. Не сплавной я. Не умею я плавать-то. Тут, поди до дна метра два будет. Тьфу, вредная баба! И принесла тебя нелёгкая.

– А чёй-то ты плавать-то не умеешь? Всё в тельняшках, в тельняшках... Сказывал – моряк. Моряк с печки бряк?

– А не твою ума дело. Тут главного тренера по плаванию мирового уровня, все чемпионы, коих он обучил, собрались, венков ему на шею повешали и в бассейн кинули. Это у них так заведено. Лучшего тренера – в воду кидать. Так этот мирового уровня тренер во всех венках ровнёхонько на дно бассейна лёг и ручки сложил. Ну, ученики его думают, шуткует. Минуту ждут, две – не всплывает. Тут они в бассейн за им и попрыгали. Вместе с венками выташили. Еле отходили. А ты – «моряк». А может у меня – воля железная, хватка стальная. Вот и не держит меня вода-то.

– Голова чугуна, – дополнила Дарья и вытянула из воды Культёву верёвку, запутавшуюся в камышах.

Обрадовался дед Культя:

– Ну, слава Богу, не придётся порты сымать, в воду лазить. Счас, мы спытам, каков улов.

А улов-то оказалса завидной. Восемь Окунев. И все один к одному. Дед Культя в азарте аж прискочил. Руки потирает, глаза горят:

– А что, Дарья? Подставляй передник. Я те окунёв ссыплю. Первой улов – твой. Меня и тятя, упокой Господи его душу, учил первой зачаток людям раздать, али в ближню церкву снести. Тятя у меня был завидной пчеловод. Но прене непременно первой сбор по соседям раздавал. А робятишкам большуще блюдо мёду в заулок выставлял. Робятишки задорются. Круг блюда толкутся. Кто за ложкой побёг, кто мёд пальцем добывает, кто щепицею. А мёд свежий, как слеза, сплошной ниткой идёт, не прервётся. А духняной! А по то робятишки, когда по ого-

родам озоровали, то тятин сад завсегда обходили. Да и что озоровать-то. Яблоками их тятя и так завсегда одаривал, репой обносил, морквой.

Так что забирай, Дарья, улов тятя на поминание. Хоша, не плохо было бы опосля рыбалки-то и рюмочку чаю пропустить (от простуды перво-наперво).

Дарья передник с рыбой к груди прижала, глаза прищурила, словно примериваясь. Культю с ног до головы взором обвела, и с энтаким притворным сокрушением отвечает:

– На чай заходи, у мово самовару каждой вечёр посиделки. А вот рюмочку – уволь. Нету-ти рюмочки.

– Ну да обойдёмся и без рюмочки. Ты токмо бабам не сказывай, что я плавать-то не умею. А то, неровён час, на смех подымут, проходу не дадут. Перед мужиками совестно. Морской волк и такой конфуз.

– Не скажу. Могила!

– Ну то-то же.

И довольный Культя забросил своё водостойкое устройство от четырёх Ден на самую серёдку пруда.

Как Дарья самое важное в жизни поняла

Никто Дарью не спрашивал, сколь ей годов. А она и не грустила. Сколь есть, все ейныя. А вот ко дню рождения – на Ивана Купалу каждой раз ей грустилося. А ещо ей пренепременно сон являлся знаковой – для задумок. И делалася Дарья опосля этого сна тихая и не весёлая. Соседки ейныя давно за ней это свойство приметили и с расспросами не приставали. А токмо старалися одну её не оставлять и к себе по поводу и без повода зазывать. А сама Дарья при такой грусти самовар не раздувала, пирогов не пекла. А ещё от ентои тоски уходила Дарья в лес, на цельной день уходила. Да корзины с собой не брала, грибов и ягод не собирала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.